

Алексей Гергенов

КАТЯ ИЗ
ТАЙНОГО ГОРОДА

Алексей Гергенов

Катя из тайного города

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Гергенов А. Ю.

Катя из тайного города / А. Ю. Гергенов — «ЛитРес: Самиздат»,
2008

Двое приятелей читают старинную рукопись из Европы. Перед их глазами оживают события почти вековой давности в городе, скрытом от Большого мира в горной стране Славария. События в той стране приходят в связь со странным происшествием в жизни двух друзей, случившемся в годы их детства в 80-е годы. Неожиданно они переносятся в параллельный мир...

© Гергенов А. Ю., 2008
© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

Пролог	5
1. Далекая страна	6
2. Из хроник Верхней Славарии	9
3. Ключи к заводу Кэтти	12
4. «А Дворец хороший?»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пролог

Летнее яркое солнце освещало окрестности – пустые степные пространства, раскинувшиеся по сторонам серых дорог на окраине пригородного посёлка Исток.

Вдоль шоссе стояли тополя, усыпанные темно-зелеными пыльными листьями. Неподалеку небольшое озеро отражало синее небо – это был карьер, выкопанный для добычи каких-то ископаемых; когда их добыча прекратилась, он заполнился на удивление чистой родниковой водой...

В окрестностях загородного карьера можно было увидеть двух мальчиков школьного возраста. Один из них предложил другому откопать в этом холме пещеру: «Мы раскопаем прежние эпохи. Машину времени еще не создали, а мы сможем узнать, как жили люди раньше», сказал, он, решив немного подшутить над своим не столь начитанным сверстником...

Толе пришла в голову эта идея с рытьем пещерки, благо, обрывчик над карьером и в самом деле позволял легко копаться во влажном песке (пару дней назад было похолодание и влага еще держалась в почве)...

Но едва зачинщик этой авантюры встал в углубление обрыва, как внезапно под ногами обрушился рыхлый песок. Коля увидел, как взметнулись клубы пыли, скрывшие с ног до головы его нового товарища. Когда пыль рассеялась, на том месте, где только что стоял Толя, оказались бесформенные массы свежего грунта...

Под землей Толя вначале не видел ничего. Затем, в этой крошечной тьме он различил сияние. Толя пошел на этот свет и увидел небольшую комнату, в которой были расставлены стулья и того, кто представился гостем то ли из Будущего, то ли из какого-то другого мира. Этот Некто поведал мальчишке удивительные слова:

«Ты, знаешь, ваше время исчезнет в сознании многих людей: его оболгут. Восьмидесятые годы в их сознании сольются с тридцатыми годами... Если согласишься на эксперимент, ты очень всем поможешь. Тем более от тебя ничего не требуется: когда вернешься, то забудешь нашу встречу. Но слова, сказанные мной, будешь безотчётно повторять время от времени еще долгие годы...

Оставшийся снаружи испуганный Коля вскоре увидел Толю. Исчезнувший на несколько минут товарищ оказался с другой стороны холмика.

Толя вышел на свет. Он и в самом деле забыл, что видел под землей. Но ощущение странного беспокойства от этого места у него осталось – особенно, когда Толя посмотрел на юг. Там возвышался небольшой, но высокий темный холм – посреди равнины. Где-то слева к востоку была река, но ее отсюда не видно...

Мальчишки не знали тогда, что в нескольких километрах к югу от карьера находились раскопки бывшего гуннского городища. При взгляде на юг они лишь видели странный холм – не очень большой, но круто вздымающийся вверх...

Через две недели закончился август, Толя начал учиться в шестом классе.

Вскоре семья Толи продала дачу в пригородном поселке, и он более не мог видеться с Колей.

Когда лет через двадцать Толя и Коля встретились, они надолго разговорились... Будто и не прошла целая пропасть времени, разъединившая их...

1. Далекая страна

Жарким летним днем две тысячи восьмого года под раскидистыми вязами уютного городского дворика можно было заметить двух молодых людей. Они сидели на скамейке в закоулках бульвара Карла Маркса и вели оживленный разговор... Зной, царивший на улицах, их не томил. Дворик, зажатый между старой пятиэтажкой и громадой новостройки из красного кирпича, дарил прохладу и спасительную тень от беспощадного улан-удэнского солнца...

Прошло больше часа после нежданной встречи двух старых приятелей, но они с увлечением беседовали, словно еще оставались мальчишками эпохи Перестройки, пусть не виделись почти два десятка лет!

Склонный к полноте шатен с пристальным взглядом спросил:

– Послушай, Толя, помнишь тот карьер?

Ему отвечал парень с темными волосами:

– Неподалеку от карьера у самого шоссе к началу 90-х установили бетонный обелиск, символизирующий южную границу Улан-Удэ. До этого граница с Иволгинским районом проходила гораздо ближе к городу, у старого моста через протоку... А дальше расстилалась широкая равнина, вдали виднелись серые пятиэтажки поселка «Аэропорт».

– Ты лучше о подземном ходе расскажи, – попросил Коля. – Когда ты вылез из дыры, ты забыл всё, что видел внутри. Прошло 19 лет... Может, что-то вспомнил?

Толя задумался.

День клонился к концу. Густая листва вязов и тополей приобрела тот неуловимый оттенок, который присущ сумеркам в начале лета: марево от свежей зелени кустов и деревьев, казалось, висело в самом смеркающемся воздухе.

Собравшись с мыслями, Толя начал перебирать воспоминания давнего летнего дня:

– Перед этим мы шли по пыльным улицам посёлка, и оживлённо беседовали. Сразу нашли общий язык, говорили например, о недавно просмотренном мультфильме. Это был мультсериал про путешествие вокруг света за 80 дней по Жюль Верну. Ты еще сказал мне тогда: «Когда показали королеву...». «Королеву Викторию», – уточнил я. «Да-да, Королеву Викторию», – повторил ты. Королеву увидела в одной из серий твоя младшая сестра, и что-то по этому воскликнула. У меня тоже тогда была младшая сестра, правда двоюродная и еще младше. Тем летом она только училась говорить и сказала свое первое предложение: «Толя увезет банку малинового варенья в город». А я сестренку хорошо знал. Она тогда еще как родная была – мы с мамой с ней водились за год до того, когда ей только годик был. Так получилось, что тетя жила тогда в Москве – училась в аспирантуре...

Коля перебил приятеля:

– И все-таки, что ты помнишь про карьер и песчаный обрыв у него?

– Перед тем как пойти на карьер, я сказал деду, что покушаю, когда вернусь с прогулки. А ты потом шуточно напомнил, что мой обед остывает... Тем летом мы оба перешли в шестой класс – сразу из четвертого, а мой дед не понял, подумал про тебя – вундеркинд...

– Какой уж вундеркинд! – воскликнул Коля с сарказмом. – Виновата школьная реформа, последствия которой растянулись на четверть века... Советская система образования накануне своего бесславного конца заставила школьников всего Союза, «перескакивать» классы. И всё из-за самонадеянного переименования «нулевых» классов в первые: смещение порядкового номера классов прошло вплоть до одиннадцатого класса, хотя все школьники стали тогда «прыгать» через класс. Нулевых классов почти нигде не создали, и школьники большинства школ учились прежние десять лет.

– Так что все наши ровесники в 1989 году «перескочили» через пятый класс...

- Не всех ровесников можно сейчас встретить, – заметил Коля.
- Да, пожалуй... Либо выбился наверх, либо... грудь в крестах.
- А голова в кустах, – Коля с мрачной иронией продолжил известную фразу.

Толя воодушевился:

– Кстати, дядя Катарина получил свой первый Железный Крест за храбрость, когда Первая мировая только началась...

– погоди, а кто такая Катарина? И что вообще значат твои слова?

– Отвечу вначале про Катарину. Чтобы ты понял, о чем речь, опишу вначале внешность моей знакомой. Ее тоже зовут Катя. Какая у нее прическа! Ободок с украшениями на голове! Подвески на лбу как у средневековой дамы, но обычно с ними представляют принцессу или королеву. Она своим внешним видом, старинным покроем платья так походит на другую Катю, из другого города и времени! Вот про нее, про эту иностранку, я и хотел бы рассказать тебе историю. Итак, ее звали Катя, но вошла она в старинную историю под именем Катарина Гласенверк...

– Все-равно не понял, – сказал Коля.

– Подожди немного. Чуть позже мы продолжим разговор. Видишь? Спускается вечер...

Друзья огляделись вокруг.

Над телевышкой стучалась синева. В воздухе разлилась приятная прохлада, мимо желтой пятиэтажной «хрущевки» шли усталые люди.

Толя нахмурился. Становилось поздно, так что он решил пригласить друга к себе домой.

* * *

Из окна квартиры открывался вид на две горы, покрытые лесом. Между домами на серые тротуары легли густые темно-сиреневые тени...

Толя включил люстру, желтоватый свет залил комнату. Родители смотрели телевизор в соседней зале. Он был еще холост и до самой ночи мог сидеть с другом, не отвлекаясь на повседневную суету...

– Вот почитай, – Толя протянул товарищу листы бумаги. – У меня есть друг Баир. Среди вещей его деда я и нашел историю этой Катарина. Это трофейные вещи, привезенные его дедом в сорок пятом. Однажды мы зашли с Баиром в подвал их дома, чтобы поискать пластинки, а там была часть трофеев, частные репарации. Собраны были наиболее ценные или просто нужные в хозяйстве вещи. Но мы рылись в груде всякого хлама ради советских пластинок, среди которых я мечтал отыскать раритеты «русского регтайма» – вокально-инструментальных ансамблей 70-80-х годов. Неожиданно нам попалась толстая кипа листов, исписанных крупным четким почерком. Баир довольно хорошо знает немецкий, изучал в школе и более того – самостоятельно интересовался, основательно изучив язык, включая основные диалекты.

Так вот, Баир сходу стал переводить найденные листки при свете фонарика, читая вслух перевод с немецкого.

Мы внимали неизвестному летописцу, захваченные старинной историей, полной человеческих чувств, свойственных любому народу, любой стране и во все времена. Даже когда Баир предложил читать найденную рукопись у него дома, мы не могли оторваться от чтения и шли по полутемному подвалу с ворохом листов, окруженные мерцанием полутемных бликов от фонаря, отражающихся на бетонных стенах подвала и затем, – пройдя по солнечному двору мимо играющих детишек, продолжили чтение в квартире Баира... Ну, а потом листки куда-то пропали... Судьба их сейчас мне неизвестна. Впрочем, обрывок той летописи из далекого Запада я восстановил по памяти. Даже более того – из рукописи было вырвано несколько

листов, и для складности повествования пришлось вставить несколько своих наблюдений: ведь в разные времена люди оставались людьми.

И мысли их, и чувства случались такими же. И вот что у меня получилось...

Но вначале, – помедлил Толя, – я прочитаю тебе выдержку из хроник той горной страны, – он задумался. – Там, где берут начало истоки малых рек, питающие более крупные и известные реки. По причине нахождения среди вершин водораздела, и называется та страна Верхней Славарией. Это необходимое превеудомление нужно, чтобы ты знал, где же могла случиться история, о которой я сейчас расскажу...

2. Из хроник Верхней Славарии

В верховьях старых рек в самом сердце старого Запада притаились неизвестные мировой науке поселения. Там остались – в отдалённых горных краях – потомки римлян и гуннов, славян, несмешавшихся с немцами, авар и Бог ведаёт остатков каких ещё древних племен, прибитых волнами беспощадных переселений эпохи младенчества известных теперь народов к лесистым горам Верхней Славарии...

Лишь раз я встречал в научной литературе упоминание о сохранявшемся какое-то время романоязычном населении в Швабии: Люсьен Мюссе писал об островках романоязычного населения, протянувшихся через Восточную Европу. Кроме упомянутой Швабии, он назвал более известные анклавы романского населения: истрорумын в Истрии, исчезнувший языковой анклав в Далмации, область расселения влахов (аромунов) в Македонии и окрестностях.

Но ведь там – на просторах Центральной и Восточной Европы, согласно историческим хроникам, жили и многочисленные племена гуннов, разбитых в пятом веке. Жили и пришедшие вскоре, в веке шестом авары.

Беспощадные воители из неведомых глубин Азии, чье имя вновь наводило ужас на остатки римского населения, германские племена и даже на Восточную Римскую империю, принужденную защищаться от объединённых полчищ авар и славян, с необузданной силой рвавшихся за Дунай и даже осадивших Константинополь...

Пусть авары внезапно исчезли, оставив после себя поговорку «исчез как авар», мы-то знаем: сведения, пусть и малоизвестные, опровергают устоявшиеся представления. Причем опровергают работами самих же ученых. Ибо мелкие факты, противоречащие общей тенденции все-таки действительно подтверждают общее правило.

К примеру, принято считать, что полабские славяне давно исчезли. Они заселяли в раннее Средневековье земли Восточной Германии между Одером и Эльбой (Одра и Лаба по-славянски). Но ведь живет же до сих пор маленький народ в Германии – это лужицкие сербы – остаток когда-то многочисленных племен славян, заселивших опустевшие земли лесистой Германии после ухода германцев на благодатные земли поверженной Римской империи.

Так и от авар могли остаться следы, не говоря о гуннах. По одной из версий, часть венгров все-таки произошла от одной из ветвей гуннов... Хотя, как известно, собственно венгры пришли в Европу позднее – в X веке, но основа их народа, на которую наслоились пришельцы мадьяры из Уральских гор, – это гунны. Недаром долина Паннонии, где находилась столица Аттилы располагалась как раз в Венгрии...

Что же до Верхней Славарии – где в синей чаше меж вершин гор, притаились поселения затерянных народов (главное из которых имперский город Рудогора), – то именно о людях, живущих там, у нас и пойдет наконец-то речь.

Всех она смущала своей юностью и притягательной силой. Но не каждый спешил обнаружить свою очарованность этой красотой... Даже самые яростные её поклонники оставались таковыми только в своей душе. Может, им и в самом деле было всё равно, или они не были романтиками и считали себя серьёзными.

Своим строгим взором, выразительными глазами, сосредоточенным на какой-то далекой цели и казавшимися из-за своего выражения чёрными, хотя на самом деле они были серыми, Кэтти невольно давала понять, что она серьёзна, хотя и легкомысленно привлекательна. Она завлекала в свои сети – завлекала непонятным до конца магнетизмом, своим дьявольским

очарованием: одна ее причёска стоила многих неустанных слов. Ее локоны светло-желтого оттенка, перехваченные в золотистые пряди, спадали на шею и плечи над чёрным платьем, какое носили столетия назад в замках или домах состоятельных бюргеров. Сочетаясь с золотыми тонкими кольцами в ушах, прочие украшения ее платья создавали полное впечатление настоящей женственности.

Толя прервал чтение и сказал Коле:

– К этому ее описанию можно добавить следующее наблюдение хрониста Виктора: «Несмотря на некоторые варварские элементы в ее костюме, в целом Кэтти производила впечатление продукта какой-то высокой, утонченной цивилизации».

Он грустно покачал головой, перелистнул еще страницу и начал удивительно трогательный рассказ, накатывающий на сознание нежными волнами из сплетенных смыслами слов. И пробуждается память о чувствах из далеких времён:

«Завод Глассенверк остановился, и когда-то сложная система теперь уже полностью застыла в неподвижности. Заводная Кукла оказалась лишь последним штучным изделием скончавшегося предприятия. Вот что осталось от былой имперской мощи: лишь несколько ветреных и капризных созданий. Но доподлинно узнал я только об одном из них, когда повороты судьбы прошлого лета столкнули меня с юной Катариной Глассенверк...

Катя жила за дальним склоном хребта, покрытым густым лесом. Издали казалось, что сосны сливаются в густое ершистое покрывало. Из окна я видел этот отрог, закрывавший ее поселок...

Сколько раз, мечтами стремясь быть рядом с девушкой в черном платье, мой взгляд останавливался на этой горе. А перед этим сосновым раем – настоящим раем для прогулок летом и катаньям для любителей на лыжах зимой, раскинулся в долине наш город.

Из окна видны его многочисленные здания, часть которых сохранилась с римских времен. Здесь эти постройки гораздо меньше использовали для добычи камня в отличие от других бывших римских городов. Там жители опустились до почти первобытного состояния после опустошений, свершенных из-за Великих нашествий народов и племен. А здесь был оазис высокой культуры.

Поэтому я видел башни и плоские крыши древнеримских зданий. Особенно яркие впечатления эта картина из моего окна выглядела утром в начале дня, когда белые лучи освещали эту панораму. И белая башня с треугольной крышей сверкала на солнце, невольно принося мне радость – «Все будет хорошо!» – думал я тогда, смотря на белую башню и город... Римский город жив, значит живо мое стремление к чистой и светлой радости – моей радости быть рядом с удивительно влекущей юной девушкой – красавицей Катей».

Такие строки были написаны Виктором почти столетие назад. Прошлый век еще жив в нас...

Когда Катерина была совсем маленькой, ее отец Альбрехт Гласенверк сгинул на Восточном фронте Великой Европейской войны – так тогда называли Первую мировую. А ее дядя Густав пропал без вести на другом фронте – но не на западном, а на заморском театре боевых действий, в джунглях Германской Восточной Африки (сейчас там находится Танзания).

Густав возглавил один из отрядов аскари (потомков арабов, смешанных с африканцами) и ушел с побережья в глубины материка, чтобы продолжить партизанскую борьбу против англичан.

Такие офицеры как Густав сформировали ударную силу колониальных отрядов. Около озера Танганьика с октября 1917 года они перешли к партизанской войне. Англичане никак не могли справиться с самоотверженными аскари. Война в дебрях Африки шла долго, до конца восемнадцатого года. Причиной тому не только высокий моральный дух мулатов-мусульман

под командованием офицеров Рейха, а золотой запас Трансвааля, даже ничтожной доли которого с лихвой хватало на обеспечение небольших отрядов всем необходимым...

Как заверял в своих воспоминаниях Пауль фон Леттов-Форбек, отряды под его командованием в джунглях Восточной Африки могли сопротивляться еще дольше – если бы не капитуляция Второго Рейха после Ноябрьской революции (через четверть века Третий Рейх погубит в безумной войне обоих сыновей Леттова-Форбека).

Густав пропал в джунглях лишь перед самым подписанием перемирия в ноябре восемнадцатого года... Возможно он ушел еще дальше – в горы, где припрятаны сокровища буров, увезенные из Трансвааля в Восточную Африку еще в 1902 году (а Южная Африка всегда славилась алмазами и золотом своих недр). Благодаря эвакуированной казне банка Претории немцы вели долгую войну на этом второстепенном фронте первой мировой. И еще бы продолжали, если бы не мир в Европе. Кому достались несметные сокровища? Золото буров осталось одной из загадок мировой истории. Сокровища африканских гор...

Итак, Альбрехт попал в плен на Восточном фронте но к этому мы еще вернемся позже. А его брат Густав сгинул в джунглях, что также имеет немаловажно значение в этой истории... И кое какую завесу тайны я приоткрою прямо сейчас...

Ведь из дебрей Восточной Африки не вернулся главный хранитель Секретного Изобретения Второй империи – им и был Густав Глассенверк. Несмотря на исчезновение одного из самых гениальных конструкторов Второго Рейха, часть тщательно охраняемого оборудования осталась в Европе, а именно, в тайных лабораториях Южных гор, в Славарии...

Итак, спустя два десятка лет его дочь Катарина. В Славарии кроме потомков тевтонов и прочих племен, жило и немалое славянское население, так что многие жители города Рудогора выговаривали ее имя мягче —Катерина. В их числе был и Виктор – главный герой нашей рукописи.

3. Ключи к заводу Кэтти

«Время приближалось к обеду... В ленивом воздухе белого полудня муха почти что ползла, пролетая медленной траекторией через белую комнату...

И вдруг ударила сирена, завывла своим удивительно знакомым, предсказуемым мотивом, подобно человеку, то понижающему, то повышающему завывающий голос. И Виктору почудилось, что это воздушная тревога, как в годы отрочества и детства. Но потом стало ясно, что уже началось...»

Толя оторвал от страницы задумчивый взгляд своих тёмных глаз:

– Расскажу далее своими словами... Дело в том, что в начале рукописи многие страницы были испорчены или утеряны. Поэтому непонятно, в каком помещении он был на момент начала городской тревоги. Но перед ее началом Виктор тщетно пытался поговорить с Катариной (он называл ее Катей – совсем как по-русски, ибо он выходец из славянской части населения Славарии).

Возможно, он смущался и тем, что Катерина происходила из почтенного бюргерского семейства, да к тому же из старинного немецкого рода...

Он всё не мог подойти к любимой девушке, медлил... Пока что-то не случилось с Катериной...

Она в то дождливое лето носила черное платье с рукавами-фонариками, так что весь ее изысканный наряд, вкуче со средневековой же диадемой на лбу, стоило бы назвать средневековым. Вот только подол платья Кати едва доставал до колен...

Внутри Катаринины что-то зазвенело, головка ее поникла, руки безжизненно повисли. Завод куклы по имени Кэтти, кончился...

«Вот почему она была так холодна! Так равнодушна! – вскричал Виктор. – Она же кукла, заводная кукла, а не человек!».

Катерина оказалась последним штучным изделием разорившегося предприятия семьи фабрикантов Глассенверк. Всё, что осталось от былой имперской мощи, это ветреное и капризное создание...

Виктор не раз замечал ее странный взгляд. Именно в эти мгновения Катя казалась лучше, чем была на самом деле. Выражение ее глаз становилось строгим и чистым, только каким-то сосредоточенным, будто она немного недовольна или напряжена, словно бьётся над какой-то трудноразрешимой задачей или скрывает давнюю тайну.

Разве возможно создание организма подобного ей, да еще в начале двадцатого века? Завеса тайны над этим гениальным изобретением вскоре приоткрылась нашему Виктору...

Он стал ловить такси... таксомотор, как они тогда назывались. Водитель оказался знакомым Кэтти: Виктор увидел, как изменилось его лицо, когда он увидел девушку, но времени не было.

Водитель, назвавшийся Рудеком, подхватил неподвижную Кэтти и отнес ее в машину. Он прокричал в лицо Виктору: «Я знаю, как ее спасти! Ей никто не поможет, у нее тайный механизм... На площади в одном здании есть подвал... у меня есть ключи к нему, ведь я бывший работник ее дяди. Их семейство до Великой Войны было весьма влиятельным в городе... Хотя сейчас такое на площади происходит! Но ничего прорвёмся!».

Рудек подхватил куклу девушки и отнёс в машину. Туда же сел Виктор. Они устремились в сторону городской площади. До центра Рудогоры на такой скорости (тем более, в тридцатые годы в городке, затерянном в горах) ехать около двадцати минут...

Они мчались по серым улицам к центру города. Кэтти лежала на заднем сиденье с полужакрытыми глазами, словно она заснула...

Виктор с водителем Рудеком доехали до центральной площади. В боковой улочке, спустившись в подвал одного из домов, они простучали торопливыми шагами по лестнице вниз. Рудек открыл ключами тяжелую металлическую дверь. Сразу повеяло сыростью и холодом...

Здесь стоит сказать пару слов о шофере Рудеке. Он уже проговорился Виктору, что до войны работал водителем дяди Кэтти – в бытность его в Славарии. Рудек сохранил верность

семейству Глассенверк – даже после того, как оба брата Глассенверк (отец и дядя Катарины) не вернулись с фронтов первой мировой...

Итак, забежав в кромешную тьму подвала, Рудек повернул рубильник, подвал осветился светом многочисленных ламп, свисавших с потолка. Виктор увидел огромные зеленые столы, где лежали макеты зданий. Столы напоминали бильярдные, и сердце упало в груди, будто в предчувствии катастрофы...

Толя подошёл к окну. Белый день стал серым из-за туч. Словно полосы легкого беспокойства зависли над старым городом. Взглянув на окружающую природу, он словно вспомнил что-то.

Все его мысли были заняты рассказом Толи.

– Дело в том, что Виктору удалось увидеть своими глазами, как происходит зарядка механизма куклы. Бесчувственную Катарину он стал называть уже по-славянски Катей. Рудек отнёс девушку в аппаратную. Тело Кати было подключено к конденсаторам. Оказалось, что секретная установка, способная совершить невероятное, находилась здесь, в подвале. И резервуары, способные напитать энергией её обездвиженное тело, скрывались под главной площадью столицы Славарии.

Итак, приступаем вновь к чтению, – сказал Толя, и мир вокруг сразу погрузился в другой:

«Эти дубовые шкафы, с потемневшими от времени корешками, впитавшими многовековую мудрость Страны Университетов, создавали невольное впечатление, что среди них должно вот-вот появиться женское создание, на которой гармонирующая с этим окружением классическая форма горничной: в строгом тёмном платье с белым кружевным воротничком и передником, тёмными волосами, аккуратно прибранными в причёску...

Но сейчас я видел перед собой на тяжелом черном столе, стоящем у шкафов, лишь маленький волчок. Это был символ власти, забытый прежним хозяином. Я его завёл и белесый кружок, напомнивший вращающиеся пропеллером крылья какого-то насекомого, вертелся, истаивая в полупрозрачной дымке...».

Толя подошел к окну. Рама, крашенная синеватой краской и весь полумрак быстро проходящего вечера напомнили ему далекие годы детства – восьмидесятые...

– Постой, – сказал ему Коля, – не кажется ли тебе, что ты упустил что-то?

– Я немного забежал вперёд. Суть в том, что Виктор потом оказался в кабинете бургомистра, где и заметил этот волчок...

4. «А Дворец хороший?»

«На главной площади стоял дворец. Говорят, в нем жил король в эпоху абсолютизма, когда в моде были расшитые камзолы, белые кружева, всевозможные банты и напудренные парики.

Дворец походил на многие старинные здания, стоящие в городах и поныне. Здесь, по краю площади протянулось бело-синее здание с украшенными лепниной окнами, декоративными кувшинами на крыше...

На фонарях, стоящих длинными постовыми по всему периметру придворцового сквера и шеренгами вдоль прогулочных дорожек, раскачивались фигуры людей.

По тому, как ветер легко раскачивал их из стороны в сторону, легко было определить, что это тряпичные куклы. На них, кто-то, не пожалев, надел настоящие пальто, темные полы которых печально развевались на ветру...

Прошёл слух, что Директор Города магистров вешать не будет...

Магистрат в полном составе еще заседал в Ратуше. Над этим старым зданием в стиле ранней Готики возвышалась немного приземистая башня с неожиданно длинным шпилем. Камни фундамента башни были заложены почти две тысячи лет назад легендарными строителями из Вечного города.

А рядом возвышалась единственная уцелевшая опора римского Акведука, разобранного на постройку Дворца всего двести-триста лет назад. Вот с этой горделивой старокаменной арки и сбросили флаг, навевая неприятные воспоминания о Мятеже 18-го года, когда после разгрома миниатюрной Славарской Советской республики (созданной по примеру словаков, мадьяр, баварцев и гамбургцев) провозгласили Демократическую Республику Славарии – уменьшенную «копию» Веймарской Республики. Но на два дня тогда Город захватили военные, несогласные со слабым, по их мнению, коалиционным правительством. Их отогнали бывшие имперские войска, возвращавшиеся с Восточного фронта после перемирия, окончившего Большую Войну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.